

Болдуева С. А., Русякова И. А., Захарова О. В., Рождественская М. В.

ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова» Минздрава России, Санкт-Петербург, Россия

ОСЛОЖНЕННОЕ ТЕЧЕНИЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19 У ПАЦИЕНТА СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА С ТЯЖЕЛОЙ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

В статье приводится описание клинического случая вирусной инфекции COVID-19, осложнившейся тяжелой пневмонией, «цитокиновым штормом», бактериемией, а также острым повреждением миокарда с декомпенсацией хронической сердечной недостаточности, желудочковыми нарушениями ритма сердца и образованием внутрисердечного тромба у больного старческого возраста с исходно клинически значимой сердечно-сосудистой патологией.

Ключевые слова COVID-19; острый коронарный синдром; острое повреждение миокарда; миокардит; внутрисердечный тромб

Для цитирования Boldueva S.A., Ruslyakova I.A., Zakharova O.V., Rozhdestvenskaya M.V. Complicated Course of Coronavirus COVID-19 Infection in the old Patient With Severe Cardiac Pathology: a Clinical Case Study. *Kardiologiya*. 2021;61(3):115–120. [Russian: Болдуева С. А., Русякова И. А., Захарова О. В., Рождественская М. В. Осложненное течение коронавирусной инфекции COVID-19 у пациента старческого возраста с тяжелой сердечно-сосудистой патологией. *Кардиология*. 2021;61(3):115–120].

Автор для переписки Болдуева Светлана Афанасьевна. E-mail: svetlanaboldueva@mail.ru

Вирусная инфекция COVID-19 приводит к поражению различных систем организма, в том числе к развитию сердечно-сосудистых осложнений, которые существенно ухудшают прогноз заболевания, особенно у пациентов с исходной кардиальной патологией [1–3].

Пациент, Ж. 84 лет, поступил 25.04.20 в отделение для больных инфекционного профиля СЗГМУ им. И. И. Мечникова с жалобами на выраженную одышку, слабость, сухой кашель, повышение температуры тела до 37,8 °С. Заболел одновременно с женой неделю назад, когда появились сухой кашель и повышение температуры тела до 38,5 °С, через 5 дней в связи с продолжающейся лихорадкой и нарастанием слабости и одышки амбулаторно была сделана компьютерная томография (КТ) легких, на которой выявлена вирусная пневмония с 60% объемом поражения легочной ткани, в связи с чем пациент был госпитализирован. На амбулаторном этапе по поводу инфекции получал азитромицин в дозе 500 мг/сут, парацетамол, аскорбиновую кислоту.

Пациент с 2004 г. находится под наблюдением нашей клиники. Из анамнеза известно, что с 40-летнего возраста страдает гипертонической болезнью, в возрасте 42 лет (1977 г.) перенес трансмуральный инфаркт миокарда (ИМ) нижнезадней локализации с формированием аневризмы левого желудочка (ЛЖ), в 2005 г. в связи с неоднократными эпизодами гемодинамически значимой желудочковой тахикардии (ЖТ) был установлен имплантируемый кардиовертер-дефибриллятор (ИКД), в 2006 г. выполнено аортокоронарное шунтирование. Поскольку у больного на фоне адекватной терапии наблюдались множественные срабатывания ИКД (в 2005 г. имел место

«электрический шторм», при котором ИКД сработал 60 раз), в 2005, 2006 и 2013 гг. выполнялись абляции очагов ЖТ под контролем системы CARTO. В 2014 г. произведена замена ИКД с установкой устройства с режимом электрокардиостимулятора (ЭКС) в связи с появившейся у больного атриовентрикулярной блокадой. В 2016 г. впервые возник эпизод фибрилляции предсердий (ФП), купированный электроимпульсной терапией, но в дальнейшем наблюдался переход в постоянную форму, был назначен апиксабан в дозе 10 мг/сут. В связи с нарастанием хронической сердечной недостаточности (ХСН) в 2017 г. больной переведен с периндоприла на сакубитрил/валсартан (юперии), который получал в дозе 200 мг/сут. В 2019 г. по поводу появившейся стенокардии напряжения пациенту был установлен стент в огибающую артерию, а также выявлено, что шунт к правой коронарной артерии закрыт, шунт к передней межжелудочковой артерии проходим. Снижение фракции выброса (ФВ) ЛЖ до 35% по данным эхокардиографии (ЭхоКГ) и полная блокада левой ножки пучка Гиса с QRS длительностью до 0,20 мс на электрокардиограмме (ЭКГ) при наличии ХСН послужили поводом для кардиосинхронизирующей терапии (CRT) с установкой трехкамерного кардиостимулятора, что было выполнено в марте 2020 г. После CRT самочувствие улучшилось, ХСН стабилизирована на уровне II–III функционального класса, ФВ ЛЖ увеличилась до 45%. Пациент получал следующую терапию: сакубитрил/валсартан в дозе 200 мг/сут, бисопролол 5 мг/сут, фуросемид 20 мг/сут, верошпирон 50 мг/сут, амиодарон 200 мг/сут, аторвастатин 40 мг/сут, эзетимиб 10 мг/сут.

Состояние больного при поступлении было тяжелым, отмечалась одышка при малейшей физической нагрузке, насыщение кислородом артериальной крови (SpO_2) при оксигенотерапии низким потоком (5–7 л/мин) составляло 93%, температура тела $37,3^{\circ}C$, кожные покровы бледные, влажные, умеренный акроцианоз, набухание и пульсация шейных вен, пастозность голеней. Частота сердечных сокращений составляла 67 уд/мин, при перкуссии границы сердца расширены влево вверх и вправо, при аускультации сердца – тоны приглушены, I тон ослаблен, систолический шум регургитации на верхушке, акцент II тона над легочной артерией, систолический шум регургитации над трикуспидальным клапаном. Артериальное давление (АД) 120/70 ммрт. ст. В легких дыхание резко ослаблено в нижних отделах с двух сторон, хрипов нет. Живот мягкий, безболезненный во всех отделах, печень выступает из-под реберной дуги на 1 см, край закругленный, умеренно болезненный, положительный симптом Пleshа; селезенка не пальпируется, поколачивание по поясничной области безболезненное с обеих сторон.

Пациенту была проведена полимеразная цепная реакция (ПЦР) на COVID-19 (результат положительный). В день поступления, в ночное время одышка усилилась, развился эпизод десатурации со снижением SpO_2 до 85%, в связи с чем больной переведен в отделение реанимации. В полученных анализах крови при поступлении (см. табл. 1) обращали внимание лимфопения, высокие уровни С-реактивного белка (СРБ), фибриногена, лактатдегидрогеназы (ЛДГ), N-концевого фрагмента предшественника мозгового натрийуретического пептида (NT-proBNP). Изменений в анализах мочи не обнаружено.

В отделении реанимации пациенту была назначена высокопоточная кислородотерапия (ВПК) потоком 40 л/мин и FiO_2 (фракция кислорода во вдыхаемом воздухе) 60%, использовалась прон-позиция, антибиотики (цефтриаксон 2 г/сут), низкомолекулярные гепарины – НМГ (эноксапарин) в дозе 120 МЕ/сут, дексаметазон в дозе 12 мг, ацетилсалициловая кислота (АСК) 100 мг/сут, омега-3-жирные кислоты 20 мг/сут. Противовирусные препараты и гидроксихлорохин не назначались в связи с тяжелой ХСН. Была продолжена терапия, которую пациент принимал постоянно: сакубитрил/валсартан (доза снижена до 100 мг/сут), биспролол 5 мг, верошпирон 50 мг, фуросемид 20–40 мг (под контролем диуреза), аторвастатин 40 мг. В связи с удлинением скорректированного интервала QT (QT_{корр}) до 640 мс на ЭКГ (больной на амбулаторном этапе получал азитромицин) амиодарон был отменен.

На следующий день отмечен эпизод десатурации со снижением SpO_2 до 88%, в связи с чем пациента перевели на неинвазивную вентиляцию легких (НИВЛ) аппаратом HamiltonC-2 в режиме NIV, посредством ороназальной маски с PIP 12 мбар, PEEP 10 мбар, FiO_2 70%.

Таблица 1. Клинический и биохимический анализы крови пациента Ж. при поступлении в стационар

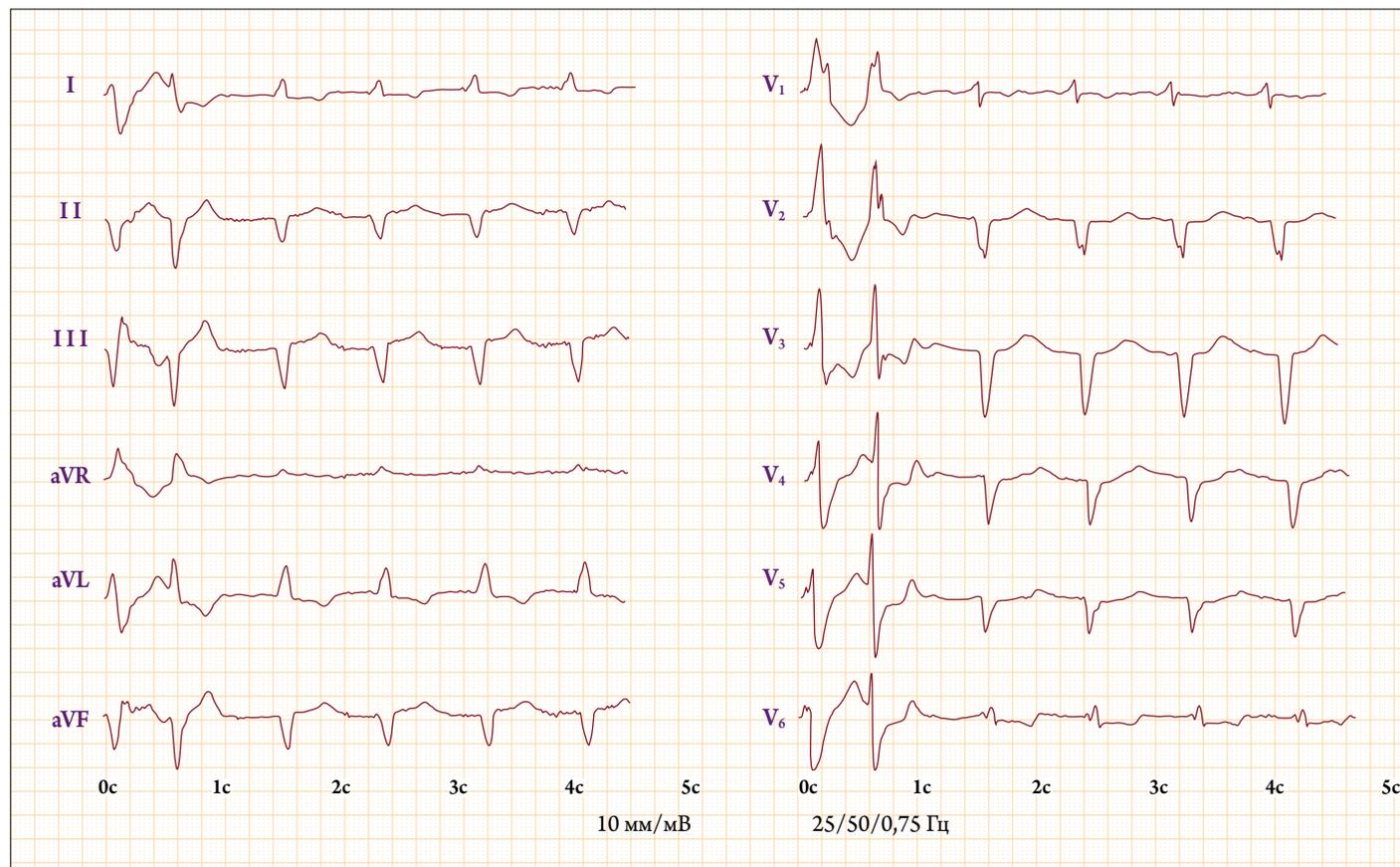
Показатель	Результат	Норма
Лейкоциты, $10^9/л$	6,1	4–9
Эритроциты, $10^{12}/л$	4,58	4–5
Гемоглобин, г/л	112	130–160
Тромбоциты, $10^9/л$	162	150–450
Лейкоцитарная формула		
Нейтрофилы общие, %	84,7	46–76
Нейтрофилы, абсолютное количество, $10^9/л$	5,1	2–4,8
Лимфоциты, абсолютное количество, $10^9/л$	0,7	1,3–2,9
Моноциты, абсолютное количество, $10^9/л$	0,2	0,3–0,8
Эозинофилы, абсолютное количество, $10^9/л$	0	0–0,2
Базофилы, абсолютное количество, $10^9/л$	0	0–0,1
Скорость оседания эритроцитов по методу Панченкова, мм/ч	40	2–10
С-реактивный белок, мг/л	128,82	0–5
Ферритин, мкг/л	222,5	20–300
КФК общая, ед/л	58	35–260
МВ-КФК, ед/л	26	0–25
Креатинин, мкмоль/л	75	62–115
СКФ по формуле СКД-EPI, мл/мин/1,73 м ²	80	>90
NT-proBNP, пг/мл	5918	>75 лет: 300–800
Тропонин Т, пг/мл	21,09	≤14,000
Прокальцитонин, нг/мл	0,064	0,046–0,500
D-димер, мкг/мл	0,144	0–0,44
Фибриноген по Клаусу, г/л	7,42	2–4

КФК – креатинфосфокиназа; МВ-КФК – МВ фракция КФК; СКФ – скорость клубочковой фильтрации; NT-proBNP – N-концевой фрагмент предшественника мозгового натрийуретического пептида.

Учитывая выраженную одышку, снижение сатурации, субфебрилитет, высокую воспалительную активность и уровень NT-proBNP, нарастание лимфопении (снижение до $0,4 \cdot 10^9/л$), консилиумом решено для прерывания «цитокинного шторма» назначить тоцилизумаб внутривенно в дозе 200 мг. После проведения антицитокиновой таргетной терапии наблюдалось снижение уровня СРБ до 33,34 мг/л и фибриногена до 4,57 г/л, повышение уровня лимфоцитов до $0,9 \cdot 10^9/л$. На 2-е сутки после введения тоцилизумаба состояние пациента стабилизировалось, был переведен на ВПК.

На 4-й день после поступления ночью возник неопределенного характера непродолжительный, в течение 5–10 мин, дискомфорт в грудной клетке (прошедший самостоятельно), сопровождавшийся ощущением удушья. Была снята ЭКГ, на которой отмечена работа ЭКС с соответствующими изменениями реполяризации, без динамики по сравнению с предыдущими ре-

Рисунок 1. ЭКГ пациента Ж.

зубтатами ЭКГ, в анализах крови впервые выявлено умеренное повышение тропонина Т до 137 пг/мл, на следующий день – до 156,2 пг/мл. Проводился дифференциальный диагноз между ИМ 2-го типа, острым повреждением миокарда (ОПМ), миокардитом. К сожалению, ЭКГ была неинформативна, в условиях отделения реанимации на тот момент невозможно было выполнить ЭхоКГ. В связи с нарастанием явлений ХСН (одышка стала возникать при малейшей физической нагрузке, по ночам – до коротких эпизодов удушья, появилась тенденция к гипотензии, снижение диуреза, возрастание уровня NT-proBNP до 7 669 пг/мл) больному были назначены инотропные средства (добутамин в дозе 5 мкг/кг/мин), нитраты (нитроглицерин внутривенно под контролем АД), увеличена доза диуретиков (фуросемид внутривенно до 200 мг/сут); лечение АСК и НМГ продолжено. В связи с гипотензией была уменьшена дозировка сакубитрила/валсартана до 25 мг/сут, возобновлена НИВА. В течение недели явления декомпенсации ХСН были купированы, добутамин и нитраты отменены, доза диуретиков уменьшена. Тропонины в эти дни имели следующую динамику: 108–119–218–163–38–88 пг/мл (на 10-е сутки); уровень NT-proBNP снизился до 5 918 пг/мл. Отсутствие типичного болевого синдрома, колебания уровня тропонинов в относительно невысоком диапазоне и довольно быстрое купи-

рование декомпенсации ХСН заставили нас усомниться в диагнозе как ИМ, так и миокардита, и остановиться на представлении об ОПМ, развившемся на фоне тяжелой коронавирусной инфекции и гипоксемии.

На фоне отмены амиодарона и укорочения интервала QTкорр. до 0,485 мс у больного появилась групповая и полиморфная желудочковая экстрасистолия – ЖЭС (рис. 1).

На фоне частой ЖЭС с пробежками неустойчивой ЖТ ночью возникли приступ удушья и кратковременная потеря сознания. Срабатывания ИКД больной не почувствовал (пациент хорошо знаком с ощущениями, которые при этом развиваются), был ли эпизод учащающей стимуляции ИКД, сказать трудно, так как и ранее больной эти эпизоды не чувствовал; приступ прошел самостоятельно. Появление ЖЭС можно было связать с ОПМ, однако следует отметить, что амиодарон пациент получал с 2003 г., и при попытке его отмены и ранее возобновлялась частая ЖЭС, в том числе неустойчивая ЖТ. Несмотря на удлинённый QT было решено вернуться к амиодарону, первоначально – в дозе 100 мг, а затем – 200 мг/сут. В дальнейшем ЖЭС постепенно исчезла.

На 10-й день пребывания в отделении реанимации на фоне стабилизации состояния вновь снизилась сатурация (SpO₂ – 57,2 ммрт. ст.), отмечено нарастание уровня СРБ до 88 мг/л и снижение количества лимфоцитов до 0,5×10⁹/л. В связи с тем, что исключить вирусную актив-

ность не представлялось возможным, больному было перелито суммарно 400 мл антиковидной плазмы, после чего пациент отметил отчетливое улучшение самочувствия, показатели газов крови улучшились (SpO_2 – 91,1 ммрт. ст.), вновь был переведен на ВПК (поток 60 л/мин и FiO_2 – 90).

К 3-й неделе пребывания в ОР на фоне улучшения общего состояния и сатурации планировался перевод пациента в отделение, однако в крови стал нарастать нейтрофильный лейкоцитоз (до 21×10^9 /л), СРБ (до 135,29 мг/л), фибриноген (до 7,53 г/л), ЛДГ (494 ед/л), впервые повысились D-димер (до 3,09 мкг/мл), АСТ и АЛТ. Проводился дифференциальный диагноз между активностью аутоиммунного воспаления и присоединением бактериальной инфекции. В связи с тем, что уровень интерлейкина-6 был повышенным (27 пг/мл), но не критично, а прокальцитонина – высоким (2,49 нг/мл) и указывал на значимую вероятность септического состояния, начались поиски очагов инфекции. Пациенту были сделаны повторные посевы крови и мочи, КТ легких, ультразвуковое исследование органов брюшной полости и малого таза, а также для исключения инфекционного эндокардита выполнена ЭхоКГ.

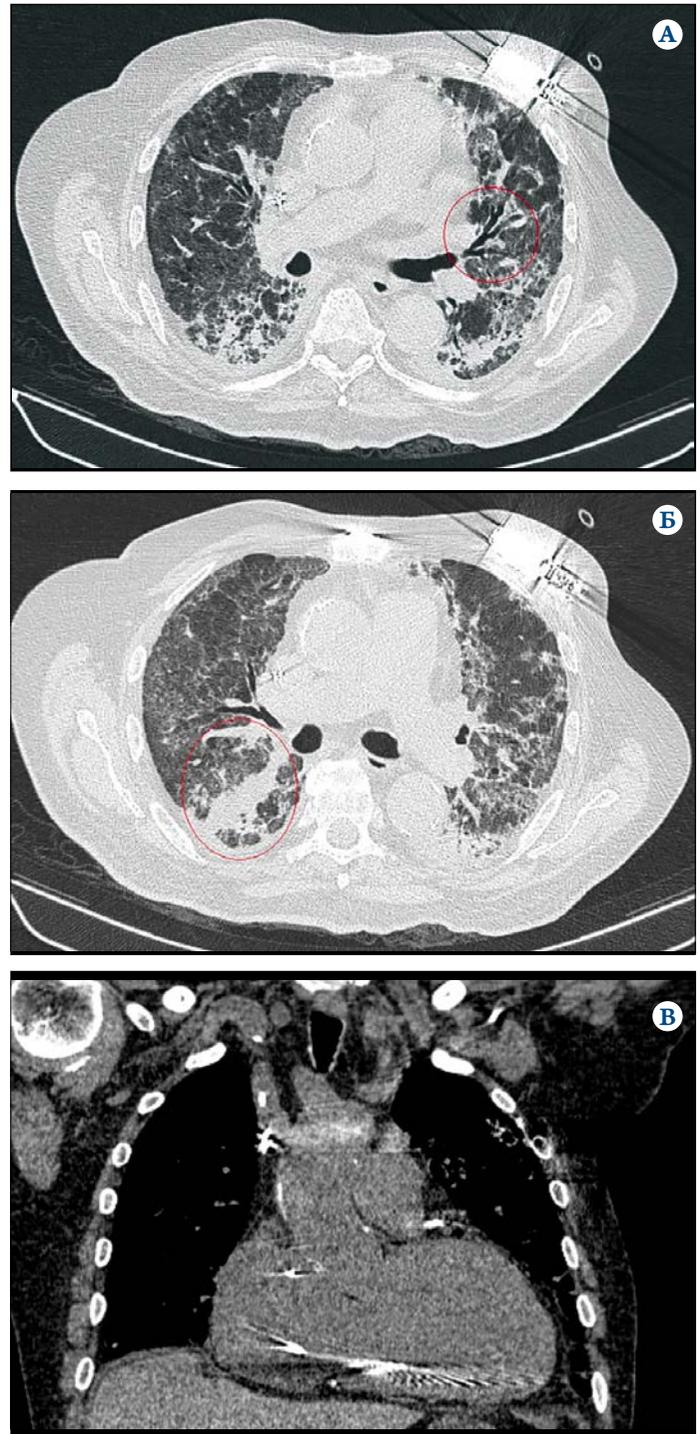
При КТ легких выявлены следующие изменения: диффузно, по всем легочным полям зоны уплотнения легочной ткани по типу «матового стекла» без четких контуров, с признаками консолидации; на фоне уплотнений выявляются слабо выраженные ретикулярные изменения по типу «бульжной мостовой»; объем пораженной легочной ткани около 95% (рис. 2).

Увеличившийся по сравнению с таковым при амбулаторном исследовании объем повреждения легочной ткани свидетельствовал о прогрессирующем течении воспалительного процесса в легких с момента поступления в стационар. При ЭхоКГ вегетации не обнаружены, размеры всех полостей увеличены, но без динамики по сравнению с данными от марта 2020 г., ФВ ЛЖ 40%, новых зон нарушений сократимости не выявлено. Таким образом, убедительных данных в пользу миокардита и ИМ не получено. Магнитно-резонансная томография сердца, которая бы окончательно разрешила эти вопросы, ни в настоящий момент, ни в будущем больному не показана из-за наличия электродов в сердце.

Поскольку при обследовании очаги бактериального воспаления не были выявлены, с целью исключения катетер-ассоциированной инфекции произведена замена центрального венозного катетера, удален мочевого катетер. После этой процедуры лейкоцитоз стал снижаться, лабораторные признаки воспаления и значение прокальцитонина быстро нормализовались.

В связи с улучшением состояния пациент был переведен вначале в «ковидное» терапевтическое отделение, а после получения трех отрицательных результатов ПЦР – в кардиологическое отделение, где лечение ХСН

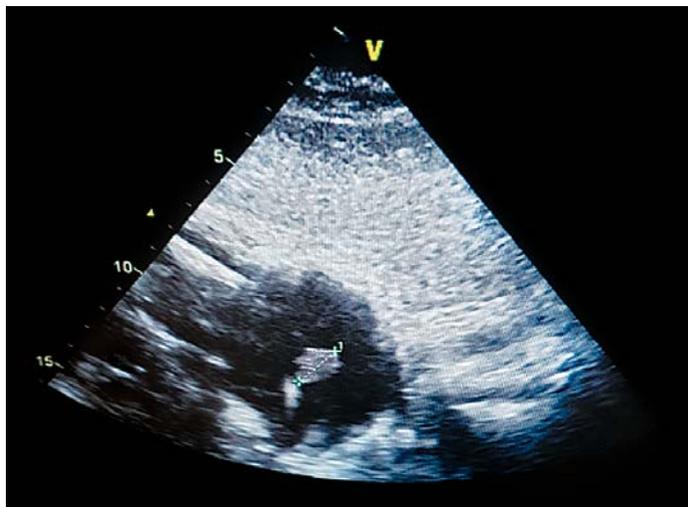
Рисунок 2. Компьютерная томограмма органов грудной клетки

А, Б – легочный режим, аксиальная плоскость: А – в левом легком визуализируются бронхоэкстазы (обведены); Б – двусторонние изменения в легких по типу «матового стекла», ретикулярные изменения по типу «бульжной мостовой», в правом легком участок консолидации легочной ткани (обведен); В – медиастинальное окно, корональная плоскость: увеличение сердца за счет всех камер.

было продолжено (дозы сакубитрила/валсартана и верошпирона увеличены, переведен с НМГ на аписабан в дозе 10 мг/сут, АСК отменена, биспролол, амиодарон и аторвастатин продолжены). При суточном мониторинге ЭКГ наблюдался ритм желудочковой стимуля-

Рисунок 3. ЭхоКГ пациента:
тромб в полости правого предсердия

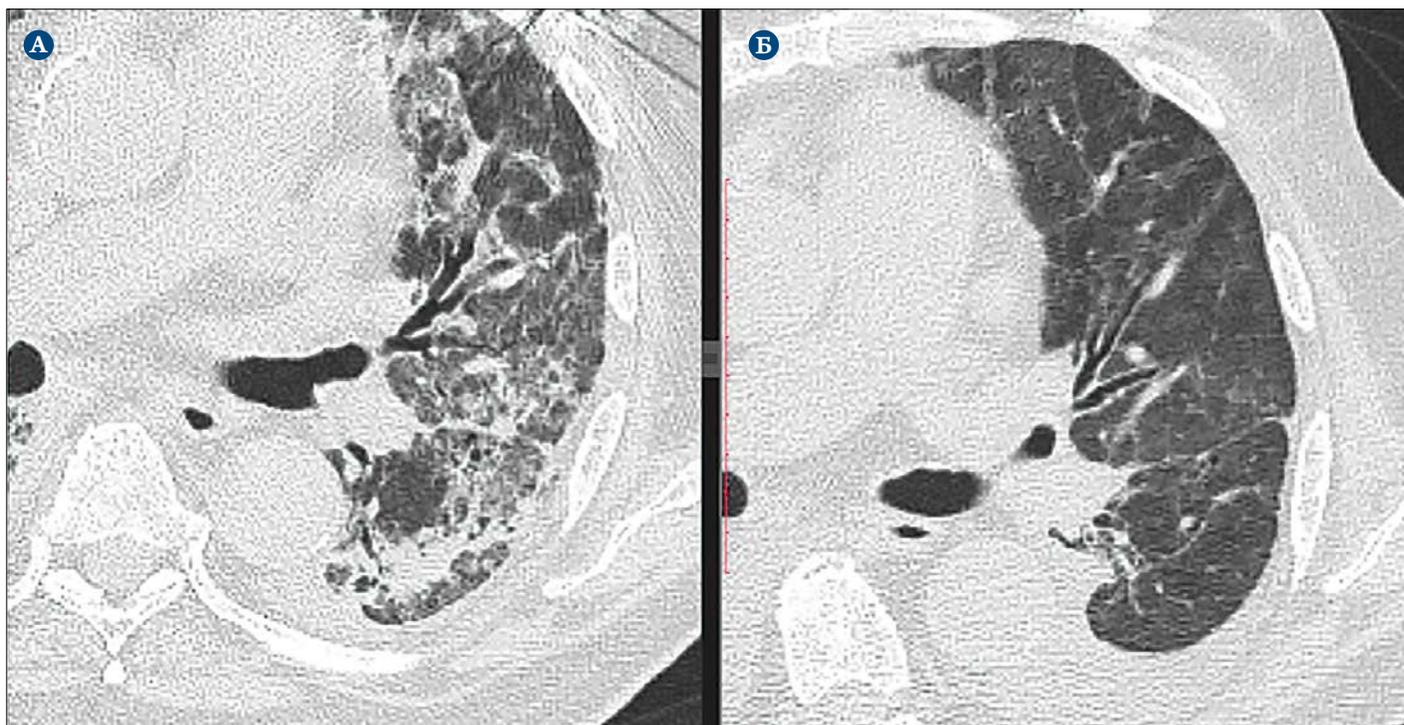
ции, короткие эпизоды ФП, ЖЭС 2-й градации по Ryan, значимых колебаний QT не выявлено. Проведена повторная ЭхоКГ, при которой в правом предсердии выявлен «свежий» неорганизованный подвижный крупный (14–15 мм) тромб вокруг предсердной части электрода (рис. 3), в остальном данные были прежними: ЛЖ дилатирован (конечный диастолический объем ЛЖ 203 мл, конечный систолический объем ЛЖ 115 мл); аневризма нижней стенки ЛЖ; глобальная сократимость снижена, ФВ ЛЖ по Симпсону 43,3%; левое предсердие увеличено (50,0–70,0 мм); створки митрального клапана не изменены, регургитация II степени; правые отделы сердца расширены (правое предсердие 54–74 мм), глобальная

сократимость правого желудочка не снижена, трикуспидальная регургитация III степени; легочный ствол расширен (29 мм), систолическое давление в легочной артерии 60 мм рт. ст.; нижняя полая вена расширена, спадение на вдохе достаточное.

Больному выполнено дуплексное сканирование вен нижних конечностей, при котором тромбы не выявлены. Пациент с аликсабана был переведен на варфарин. В литературе приводятся описания как артериальных, так и венозных тромбозов, в том числе – интракардиальных, при нынешней пандемии [4–6]. Наш пациент с первого дня поступления получал НМГ в лечебной дозе, и последний был заменен аликсабаном в адекватной дозировке лишь в последние дни. D-димер, уровень которого постоянно контролировался, был повышен однократно, только на фоне бактериемии, возможно, именно в этот период и произошел процесс тромбообразования, для которого у пациента имелись и другие предрасполагающие факторы: длительный постельный режим, вирусная инфекция, ХСН, электроды в полостях сердца, центральный катетер. В настоящее время нет рекомендаций по лечению внутрисердечных тромбозов, используются как варфарин, так и НМГ, новые пероральные антикоагулянты, однако предпочтение отдается варфарину.

Ввиду улучшения общего состояния (SpO_2 в покое – 98%) и нормализации всех показателей крови, за исключением признаков анемии (эритроциты $3,66 \times 10^{12}/л$, гемоглобин 94 г/л) и повышенного уровня NT-proBNP (3597 пг/мл, значения которого, тем не менее, стали существенно ниже), на подобранной дозе варфарина

Рисунок 4. Компьютерная томограмма органов грудной клетки в динамике (А – 19.06.2020, Б – 28.08.2020)

(2,5 мг/сут) и всей кардиальной терапии (с дозировкой сакубитрила-валсартана 200 мг в сутки) пациент был выписан на амбулаторное лечение.

В дальнейшем, в связи с невозможностью удержания международного нормализованного отношения (МНО) в целевом диапазоне (МНО достигло значения 8 единиц и в течение 5 дней на фоне полной отмены варфарина держалось на уровне 5 единиц) вновь был переведен на НМГ (эноксапарин) в лечебной дозе. При осмотре через 2 мес после выписки, по данным ЭхоКГ, тромб в полости предсердия не определялся, но выявлялся выпот в плевральных полостях, что было подтверждено КТ, однако, на фоне существенного улучшения рентгенологической картины в легких (рис. 4). В связи с нарастанием ХСН к терапии был добавлен дапаглифлозин в дозе 10 мг/сут и увеличена доза диуретиков, пациент с НМГ был переведен на апиксабан в дозе 5 мг 2 раза в сутки. В течение недели состояние стабилизировалось, потребности в госпитализации в последующем не было.

Заключение

Таким образом, пациент старческого возраста с длительным анамнезом сердечно-сосудистой патологии и бивентрикулярной хронической сердечной недостаточностью перенес вирусную инфекцию COVID-19, осложнившуюся тяжелой пневмонией, «цитокиновым штормом», острым повреждением миокарда с повышением уровня тропонина и декомпенсацией хронической сердечной недостаточности, аритмией, а также образованием внутрисердечного тромба. Несмотря на высокий риск неблагоприятного исхода, с вирусной инфекцией и ее последствиями удалось справиться. По нашему мнению, этому способствовали командная работа разных специалистов (реаниматологов, кардиологов, пульмонологов, терапевтов), а также сохранение базовой кардиальной терапии на всех этапах лечения пациента.

Конфликт интересов не заявляется.

Статья поступила 05.09.20

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Guan W, Ni Z, Hu Y, Liang W, Ou C, He J et al. Clinical Characteristics of Coronavirus Disease 2019 in China. *New England Journal of Medicine*. 2020;382(18):1708–20. DOI: 10.1056/NEJMoa2002032
2. Shi S, Qin M, Shen B, Cai Y, Liu T, Yang F et al. Association of Cardiac Injury With Mortality in Hospitalized Patients With COVID-19 in Wuhan, China. *JAMA Cardiology*. 2020;5(7):802–10. DOI: 10.1001/jamacardio.2020.0950
3. Guo T, Fan Y, Chen M, Wu X, Zhang L, He T et al. Cardiovascular Implications of Fatal Outcomes of Patients With Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). *JAMA Cardiology*. 2020;5(7):811–8. DOI: 10.1001/jamacardio.2020.1017
4. Joly BS, Siguret V, Veyradier A. Understanding pathophysiology of hemostasis disorders in critically ill patients with COVID-19. *Intensive Care Medicine*. 2020;46(8):1603–6. DOI: 10.1007/s00134-020-06088-1
5. Fenton M, Siddavaram S, Sugihara C, Husain S. Lessons of the month 3: ST-elevation myocardial infarction and left ventricular thrombus formation: an arterial thrombotic complication of severe COVID-19 infection. *Clinical Medicine*. 2020;20(4):437–9. DOI: 10.7861/clinmed.2020-0266
6. Elkattawy S, Younes I, Noori MAM. A Case Report of Polymerase Chain Reaction-Confirmed COVID-19 in a Patient With Right Ventricular Thrombus and Bilateral Deep Vein Thrombosis. *Cureus*. 2020;12(6):e8633. DOI: 10.7759/cureus.8633